

ИННА ЮРЬЕВНА САВЕНКОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений
Луганский государственный педагогический университет
(Луганск, Луганская Народная Республика)
ORCID 0000-0001-5481-5254; inna-savenkova@mail.ru

ПРОБЛЕМА ТОРГОВЫХ МОНОПОЛИЙ В ПРОТИВОСТОЯНИИ КОРОНЫ И ПАРЛАМЕНТА В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ЕЛИЗАВЕТЫ I ТЮДОР

А н н о т а ц и я . Актуальность исследования определяется тем, что проблема монополизма в современной экономике имеет большое теоретическое и практическое значение, поскольку в ходе реализации своих экономических интересов монополистические образования, как правило, препятствуют развитию рыночных отношений как таковых, создают кризисную ситуацию. В этом отношении целесообразно обратиться к историческому опыту и разобрать примеры решения подобных проблем в прошлом. Целью статьи является рассмотрение одной из ключевых проблем социально-экономического развития Англии во второй половине XVI века – борьбы в парламенте вокруг торговых монополий и патентной политики короны. В ходе исследования установлено, что непосредственной причиной, вынудившей английский парламент вынести вопрос о монополиях на широкое обсуждение, стали многочисленные злоупотребления владельцев патентов. Последнее вызвало многочисленные жалобы со стороны тех купцов, кто в силу различных обстоятельств не смог получить ту или иную монополию. Дискуссии о вреде монополий продлились с 1597 по 1601 год, когда на рассмотрение палаты общин поступил антимонопольный билль, а королева Елизавета I издала соответствующую прокламацию, в которой отказалась от права выдавать монополии в будущем. Показано, что в итоге парламент не решился посягнуть на прерогативу короны выдавать патенты купцам и не принял соответствующий документ. Положение уже существующих монополий осталось прежним.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Англия, Тюдоры, монополия, парламент, патент, Британская корона

Д л я ц и т и р о в а н и я : Савенкова И. Ю. Проблема торговых монополий в противостоянии короны и парламента в годы правления Елизаветы I Тюдор // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 1. С. 20–28. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.848

ВВЕДЕНИЕ

Проблема монополизма в экономике привлекает сегодня пристальное внимание не только специалистов, но и широких слоев населения, поскольку негативные последствия деятельности монополий ощущает прежде всего рядовой потребитель. Она является актуальной, поскольку создание передовой экономики мирового уровня предполагает, помимо прочего, предоставление равных возможностей субъектам хозяйственной деятельности, а также их конкуренцию. Создание же реальных условий для развития цивилизованных рыночных отношений, как представляется, возможно при наличии взвешенной, выверенной системы регулирования государством монополистических процессов и состязательности субъектов хозяйствования. В связи с этим не будет лишним обратиться к примерам разрешения подобных ситуаций в прошлом. В общем контексте анти-

монопольной государственной политики на современном этапе достаточно целесообразным является исторический анализ примеров борьбы вокруг торговых монополий в ведущих европейских странах. Данная статья является попыткой исследовать ход и характер парламентской борьбы вокруг монополий в Англии в годы правления королевы Елизаветы I Тюдор.

Комплекс вопросов, связанных с возникновением и деятельностью монопольных компаний, всегда привлекал значительный интерес в развитых странах мира, что, в свою очередь, обуславливает наличие значительного числа исследований по этой проблематике. Видное место в числе последних занимает история возникновения торговых монополий в Англии, которая была в числе первопроходцев в деле создания капиталистической экономической модели. Наибольшее количество работ, посвященных этой проблеме, принадлежит перу англоязычных

ученых. В работах исследователей из Великобритании, США, Австралии и Канады дискуссия в английском обществе вокруг монополий во второй половине XVI века рассматривается главным образом в контексте парламентской истории Англии. Анализ этих работ позволяет сделать вывод о наличии двух основных вариантов трактовки проблемы борьбы в Англии вокруг предоставления монополий. С одной стороны, такая борьба рассматривается в качестве индикатора тогдашнего состояния английского общества, в котором, несмотря на сохранение уважения к королевской власти, постепенно вызревало негативное отношение к экономическим прерогативам короны. Ввиду этого многие специалисты склонны квалифицировать эту борьбу в качестве вызова парламента конституционной власти Елизаветы I [6], [12], [17], [18]¹.

Иной точки зрения в отношении привилегированного статуса отдельных предпринимателей и объединений придерживаются историки – апологеты монополий. По их мнению, монополии являлись едва ли не единственным условием успешного ведения Англией каких-либо заморских дел или торговли, поскольку давали купцам возможность организовываться самостоятельно, в то время как государство не могло способствовать их деятельности за пределами Англии [8], [9], [10], [11], [20]². Отметим, что наличие настолько полярных точек зрения на указанную проблему было обусловлено прежде всего определенной заангажированностью некоторых исследователей, принадлежавших к политическим династиям, основатели которых в свое время непосредственно принимали участие в борьбе вокруг первых монополий. Характерной чертой зарубежной историографии является анализ обозначенной проблемы без должного учета такого важного, на наш взгляд, аспекта, как борьба за ограничение королевских полномочий в свете развития парламентаризма в Англии, становления общества раннего Нового времени с присущими ему характеристиками.

В советской и современной российской историографии работы, в которых бы непосредственно затрагивались вопросы борьбы вокруг проблемы предоставления монополий и пожалований в Англии второй половины XVI века, практически отсутствуют, хотя некоторые аспекты освещались А. В. Барчуговой, Е. Д. Воробьевой, В. В. Штокмар и О. В. Дмитриевой [1], [7]³. В теоретическом отношении оказались полезными работы В. В. Клочкова, рассмотревшего общие аспекты прерогативных полномочий английской монархии в раннее Новое время [3], [4].

Источниковой базой работы послужили английские публикации официальных государ-

ственных бумаг. К ним относятся, в частности, протоколы заседаний (official minute books) обеих палат английского парламента – так называемые парламентские бумаги, материалы о работе последних четырех парламентах Елизаветы I и детальные отчеты о дебатах в палате лордов и палате общин с 1559 по 1601 год⁴. Существенным подспорьем в определении характера обсуждения патентной политики Елизаветы I оказались также материалы многотомной «Парламентской истории Англии», упорядоченной и изданной известным историком английского парламентаризма У. Коббетом⁵.

ДИСКУССИЯ В АНГЛИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ ВОКРУГ ПАТЕНТНОЙ ПОЛИТИКИ ЕЛИЗАВЕТЫ I В 1597–1601 ГОДАХ

В Англии слово «монополия» впервые упомянуто Томасом Мором в труде «Утопия» (1516) для описания ситуации, сложившейся на рынке шерсти и шерстяных тканей вследствие своеволия скупщиков⁶. В привычном значении это слово встречается в документах 1582 года применительно к деятельности компании купцов-авантюристов, в дальнейшем его широко использовали в парламентской практике для описания системы патентов, выдаваемых королевой Елизаветой I⁷. Упомянутая система была создана при Тюдорах с опорой на феодальное право, согласно которому лорд – владелец манора присваивал привилегию контролировать торговлю, мельницы, выпечку хлеба, а также возникшую в XIV веке практику «покровительственных писем» («letters of protection»), призванных стимулировать развитие текстильного дела – новой для Англии отрасли ремесла⁸. Начиная с Генриха VIII Тюдоры стали расширять роль государства в урегулировании социально-экономических отношений в стране. Этой цели изначально служили статуты и прокламации, а с середины XVI века, в связи с колебаниями цен на шерсть и необходимостью реструктурирования экономики, в том числе и путем нововведений, корона стала применять письма-патенты [19: 135].

В годы правления Елизаветы I при активном содействии государственного секретаря У. Сесила (1520–1598) и Тайного совета при королеве торговля, а также промышленность и социальная система были выведены из муниципального подчинения и переданы в ведение государства. Причины подобных изменений, по мнению специалистов, заключались в экономическом развитии страны, основными чертами которого во второй половине XVI века являлись разложение ремесленных гильдий, упадок многих городов, перемещение центров промышленности в сельскую округу в том числе.

Необходимо также принимать во внимание и существенное усиление власти королевы Елизаветы I, опиравшейся на довольно мощную социально-политическую базу. При этом правительство Елизаветы регулировало не только право открывать торговлю, но и условия ведения последней, в том числе и за пределами страны. Определяющую роль в подобного рода делах играли государственные интересы в тогдашнем их понимании – регулирование промышленности (значительное внимание уделялось стимулированию развития ее новых отраслей и закреплению прав на изобретения), рост занятости населения и, прежде всего, обеспечение должного уровня развития внешней торговли [10: 3], [12: 417–420], [17: 17].

Вместе с тем во второй половине XVI века наблюдалось стремительное развитие частной инициативы именно в сфере внешней торговли. Заморская торговля, которая в то время была практически свободной от какого-либо надзора, фактически стала стержнем эпохи первоначального накопления капитала. Одной из особенностей указанного процесса во второй половине XVI века было возникновение крупных торговых компаний вроде Балтийской, Московской, Левантийской, а с 1600 года – Компании купцов Лондона, торгующих с Ост-Индиями. Каждой из таких компаний королевская власть предоставляла хартию (в английской практике того времени по отношению к монополии в каждом конкретном случае употреблялись также термины «патент», «лицензия», означавшие ограниченную монополию), в которой оговаривались монопольные права компании на торговлю в определенной географической зоне, строительство и удержание фортов, возможность иметь вооружения и другое. Наличие в тексте хартии подобных не вполне торговых привилегий объясняется спецификой проникновения в годы правления Елизаветы I английской торговой инициативы в отдаленные районы мира [17: 31]. Поскольку такая корпорация из-за значительно-го расстояния должна была на местах регулироваться самостоятельно, королева посредством патента делегировала ей часть своих властных полномочий. Кроме того, для организации заморских экспедиций в Англии второй половины XVI века не существовало достаточного единоличного капитала – необходимую сумму можно было собрать, опираясь на объединение нескольких предпринимателей, что и стимулировало возникновение монополий. Вместе с тем очень быстро дали о себе знать многочисленные злоупотребления купцов – членов монопольных компаний, что нашло отражение во взяточничестве, произвольном увеличении цен, создании дефици-

та товаров на внутреннем рынке и др. Последнее не могло не вызвать противодействия со стороны «аутсайдеров» – частных лиц и объединений, которые не являлись участниками привилегированных корпораций. Наиболее остро это противостояние ощущалось в стенах английского парламента.

Впервые вопрос о монополиях был внесен на парламентское обсуждение в 1571 году. К тому времени королева уже десять лет как проводила активную политику выдачи патентов на привилегированную торговлю, основными соображениями, которые побуждали ее к этому, являлись как необходимость поддержания деятельности государственного механизма с помощью налогов и пошлин, так и возможность пополнения личной казны за счет «добровольных подарков» от желающих получить патент. В числе последних, как правило, были фавориты королевы либо члены королевского двора. Это обстоятельство, конечно же, не могло не раздражать отдельных, менее удачливых представителей английских торговых кругов. Их мнение в некоторой мере озвучил на заседании палаты общин депутат Роберт Белл (?–1577), раскритиковавший деятельность поставщиков королевского двора за то, что «благодаря лицензиям незначительное меньшинство обогатилось, а большинство разорилось». Непосредственным толчком для этого первого зафиксированного в парламентских документах столкновения вокруг вопроса о монополиях стал парламентский конфликт между сторонниками пуритан и католиков по поводу религиозного билля. Сразу же после этого вниманию разгоряченных полемикой депутатов был представлен билль о патентах, получивший резко отрицательные отзывы⁹. Роберт Белл был вынужден выслушать ряд замечаний от присутствовавших на заседании общин членов королевского Тайного совета. Точку в споре поставила королева, которая в попытке упредить новую волну критики ее патентной политики пообещала «принимать заявки на лицензии с осторожностью, как это было и будет» [15: 202, 238].

Почему же Елизавета I в своей практической деятельности проигнорировала мнение парламентариев? Право выдавать патенты относилось к числу королевских прерогатив, поскольку, согласно средневековой традиции, корона считала себя единственным покровителем различного рода новшеств, внедряемых в хозяйственную жизнь королевства¹⁰. При этом, однако, прерогативное право предоставлять монополии ограничивалось общим правом, требовавшим от монарха не нарушать интересы широких слоев общества, закрепленные в Великой хартии воль-

ностей. Те же монополии, которые ограничивали свободы населения Англии, считались незаконными¹¹. Но королева Елизавета I была уверена, что ее положение и неограниченная власть позволяют раздавать патенты по собственному усмотрению. Как следствие, она злоупотребляла прерогативой, что и привело к конфликту с парламентом, следовавшим еще со времен Генриха VIII норме, согласно которой монарх и подданные подчиняются одному и тому же праву [9: 35]. Иными словами, применение королевских прерогатив в данном случае противоречило общему праву. Разногласия подогревались тем, что Елизавета часто пользовалась правом вмешиваться в парламентскую жизнь, вотируя билли. Так, за время работы девяти парламентов королева наложила вето на 72 билля, поскольку, по ее мнению, парламенту «следовало вмешиваться и хорошо разбирать лишь те дела, которые им предлагают на обсуждение и которые затрагивают дела Содружества» (под термином «Содружество» в данном случае следует понимать государство) [14: 39], [15: 199].

Второй раз вопрос о монополиях поднимался в парламенте уже следующего созыва: в январе 1580 года там читался билль об усложнениях в торговле. Однако в этом случае, как и ранее, билль остался всего лишь проектом закона. Королева же продолжила раздавать патенты, поясняя свои действия государственной пользой. Тем не менее экономическое положение Английского королевства к 1590-м годам в значительной степени усложнилось, что вызвало поток жалоб в законодательный орган страны по поводу патентной политики короны.

В 1597 году парламент снова обратился к этому вопросу [1: 275]. Королева всегда полагала, что подобные «государственные вопросы» следует рассматривать в палате общин, куда поступали жалобы, в том числе и на монополии, поскольку это затрагивало королевскую прерогативу. Соответственно, на заседании 7 ноября 1597 года депутат Фрэнсис Мур (1559–1621) представил вниманию парламентариев свои соображения «относительно различных гнусностей, порожденных патентами или привилегиями... а также злоупотреблений». По его мнению, следовало обратиться к королеве за разъяснениями. Эта инициатива нашла поддержку у депутатов, но, к сожалению, ответы секретаря королевы – сына У. Сесила – Р. Сесила (1563–1612), занявшего пост в 1596 году и использовавшего свое положение с тем, чтобы влиять на принятие решений в парламенте, а также генерального стряпчего Томаса Флеминга (1544–1613) не были записаны, хотя из более поздних материалов известно, что они, вероятно, выступили против, как были

против предложения Френсиса Гастингса (1545–1610) назначить комитет и обстоятельно изучить дело¹².

На заседании 9 ноября палата общин все же назначила комитет, задачей которого являлось рассмотрение отдельных вопросов в отношении монополий, патентов и привилегий. Однако депутаты не решились открыто пойти против прерогатив короны. По словам присутствовавшего на заседании парламента Р. Сесила, «день выдался очень тяжелым», и дело о монополиях было отложено до следующего раза. Отметим, что промедление с вынесением окончательного решения относительно жалоб, вызванных деятельностью монополий, на то время вообще являлось характерным для общего хода заседаний палаты общин. При этом продолжительность решения вопроса напрямую зависела от остроты дебатов¹³. Наконец, после длительного обсуждения двух законопроектов, вынесенных на рассмотрение еще в ноябре, на заседании 14 декабря 1597 года депутаты палаты общин отметили значительное количество злоупотреблений со стороны монополистов и пришли к выводу о целесообразности прекращения предоставления каких-либо патентов в будущем¹⁴. Несмотря на избранную Р. Сесилом тактику затягивания времени, его брат Томас Сесил (1542–1623) предложил подготовить проект петиции к Елизавете с просьбой разобрать дело. Но и в этот раз каких-либо юридических последствий решение депутатов не имело – на итоговое заседание парламента прибыла королева и пообещала дать ответ на запрос депутатов. 9 февраля 1598 года палата общин получила королевский ответ на антимонопольную петицию с обещанием, что «их (монополии. – И. С.) все следует изучить, придерживаясь при этом судебной процедуры и положений закона» [15: 197–207, 242]. Королева вежливо упрекала палату общин в самонадеянности, намекая на собственный высокий статус и связанное с ним право предоставлять патенты:

«Что касается монополий, Ее Величество надеется на то, что ее покорные и любящие подданные не отнимут у нее прерогативу – лучший цветок в ее саду и жемчужина в ее короне и диадеме... и предпочтут оставить это на ее усмотрение... она же обещает рассмотреть все патенты, придерживаясь права» [16: 242].

После чего королева выдала еще 30 патентов. Королевский двор не считал возможным реагировать на замечания парламента о негативных последствиях предоставления монополий, поэтому в 1601 году этот вопрос снова вошел в повестку дня палаты общин. В отличие от предыдущих парламентов, теперь на заседаниях присутствовали известные в то время юристы, напоминая

шие парламентариям об их привилегии аннулировать выданные короной патенты. В качестве примера был приведен случай, имевший место в годы правления Эдуарда III, когда парламент отказался признать выданный королем патент на производство сладкого вина. Как следствие, билль под названием «Акт, в котором разъясняется общее право по делам писем-патентов» прошел первое чтение на заседании 20 ноября, когда после быстрой подачи дело по предложению спикера было решено передать в соответствующую комиссию. Однако общины подняли шум, потому что у билля нашлись противники, не желавшие каких бы то ни было обсуждений. Причиной последнего было прежде всего нежелание депутатов устраивать громкий скандал в связи с прерогативами королевской власти. И хотя монополии однозначно воспринимались депутатами как зло и опасность для подданных Ее Величества, никто из присутствовавших все же не имел намерений каким-либо образом ограничивать королевские права либо высказывать неприязнь к монарху из-за пожалований¹⁵.

Дискуссия вокруг роли монополий в английской экономике в ходе этой парламентской сессии длилась довольно долго – депутаты не единожды указывали на злоупотребления в торговле, вызванные выдачей патентов на продажу алкогольных напитков и уксуса в том числе. Так, депутат Ф. Бекон (1561–1626) в ходе своего выступления привел детальную классификацию монополий, охарактеризовал их природу и указал на степень негативного влияния этих образований на развитие внутренней и внешней торговли Англии и Британских островов в целом. Его выступление завершилось словами:

«...Природа этих монополий, что вызывают недовольство, такая разнообразная... Если судьи (члены специальной комиссии. – И. С.) действительно найдут эти привилегии полезными для Содружества (государства. – И. С.), то позволяя их, иначе это следует запретить»¹⁶.

Со временем высказывания против предоставления монополий приобрели более резкий характер – теперь уже осуждалась практика «добровольных подарков» королеве в качестве благодарности за получение патента. Так, депутат палаты общин Лоуренс Хайд (1562–1641), член парламентского комитета, в качестве примера привел случай собственника патента на сладкое вино, из-за которого парламентарий угодил бы за решетку, если бы не уплатил 500 ф. ст. в королевскую казну. Также он указал на два патента, которые предоставляли любые привилегии вопреки статутам королевства. Некоторые из докладчиков неоднократно обращали внимание

палаты на то, что после заседания парламента в 1597/98 году королева не разобрала ни одного патентного дела, а, наоборот, предоставила новые привилегии¹⁷. Последнее вызвало в палате общин довольно широкий резонанс, депутаты долго шумели, так что секретарю Р. Сесилу даже пришлось выступить с нравоучительными словами и успокоить присутствующих.

Таким образом, в 1601 году вопрос о монополиях в отношениях Елизаветы I и ее парламента достиг апогея. Среди обвинений, которые звучали в адрес королевской власти по поводу предоставления монополий, можно выделить несколько главных моментов: королева отдает доходы государства в частные руки; акт о монополии является самым опасным для государства и самым ненавистным для подданных; монополии являются источником многочисленных злоупотреблений и вреда; монополии тормозят развитие торговли, поскольку те купцы, которые не входят в эти привилегированные объединения, опасаются вести собственную торговлю¹⁸. При этом мнения парламентариев в отношении возможности окончательного прекращения упомянутого нарушения государственных интересов разделились: некоторые, как, например, У. Рели (1554–1618) – фаворит королевы (имел патент на производство вина), отстаивали за короной исключительное право предоставления монополий и недопустимость вмешательства парламента в эти дела. По их мнению, корона имела беспрекословное право распоряжаться своими привилегиями либо расширять их по своему усмотрению. Основу этой группировки составляли представители придворных кругов, которые уже получили хартии на монопольную торговлю, а потому зависели от милости и поддержки королевы. Однако большинство членов палаты общин, которая состояла из представителей тех торговых кругов, которые хотели и власти, и богатства, но из-за наличия привилегированных конкурентов не могли реализоваться, требовали непосредственной ликвидации монополий¹⁹.

Констатируя безоговорочный факт попустительства короны монополиям путем выдачи патентов на что угодно, эти депутаты в качестве главного аргумента указывали на негативное влияние на экономику королевства, вызванное стремительным увеличением списка монополий²⁰. Основной проблемой, которую отмечали практически все докладчики, являлся непривычный рост цен на продукты питания и товары первой необходимости, которые продавались именно монополиями. Как следствие, росли цены на сырье, из которого эта продукция производилась.

Дебаты о вреде монополий продолжались в течение шести дней. Парламент должен был решить довольно непростую дилемму: найти самый удобный путь к разрешению жалоб, которые возникли из-за патентной политики королевы, и не задеть при этом королевские prerogatives. Таким образом, на повестке дня стоял вопрос: каким образом завершить обсуждение – принятием соответствующего билля или петиции?²¹ В первом случае речь шла о единоличном разрешении парламентом проблемы монополий, а в другом – только о попытке согласовать возможное разрешение этого вопроса с короной. По этому поводу выступил Р. Сесил, подытоживший результаты дискуссии и указавший на ее, как представляется, истинную природу: фактически вопрос о монополиях являлся частью более масштабной проблемы – полномочий королевской власти и борьбы англичан со злоупотреблениями со стороны этой власти²². Однако открытого наступления с тем, чтобы ограничить prerogatives короны, на этом заседании не было. Общины решили пойти путем компромисса, что нашло отражение в петиции с изложением основных жалоб и просьб, которая и была адресована королеве.

В связи с вышеизложенным не вполне понятно, почему при наличии в парламенте значительного числа последовательных противников монополий и множества неопровержимых доказательств вредоносности подобного рода образований для экономики Англии высший представительский орган этой страны не воспользовался в полном объеме своими полномочиями и не ликвидировал упомянутую угрозу государственным интересам. Как представляется, ответ на этот вопрос может дать исследование, с одной стороны, характера взаимоотношений между парламентом и королевой, а с другой – баланса сил тех слоев английского общества, которые формировали сам парламент.

Следует отметить, что возникновение парламентской дискуссии по экономическим и правовым проблемам (к тому же с ярко выраженным политическим подтекстом, поскольку речь идет о королевских prerogatives) в целом стало возможным вследствие активной идейно-политической борьбы, которая продолжалась в Англии в середине XVI века и причиной которой стал в основном поиск тогда еще молодой английской буржуазией путей утверждения в английском обществе [2: 153], [5: 141]. Но, даже имея идейное оружие в виде многочисленных трудов английских гуманистов, тогдашняя буржуазия еще не имела достаточного веса в обществе для отстаивания собственных интересов, а значит, могла рассчитывать на поддержку королев-

ской власти. Это обстоятельство, наряду с наличием в палате общин определенного количества депутатов, связанных с монополиями и, как следствие, заинтересованных в дальнейшей деятельности этих образований, на наш взгляд, являлось надежным «предохранителем» от принятия парламентом радикальных решений.

Кроме того, в английской политической практике в целом были довольно сильны традиции, в частности преимущественное право короны предоставлять купцам широкие торговые привилегии, установленное еще во времена правления короля Иоанна Безземельного (1167–1216) в Великой хартии вольностей (1215)²³. Вследствие этого антимонопольная кампания воспринималась королевой Елизаветой как попытка парламента посягнуть на извечные священные права короны [17: 11–13]. Так, в 1597 году, выступая в парламенте, королева деликатно намекнула депутатам на то, что они вмешались не в свое дело, пообещала разобраться со всем и отозвать связанные со злоупотреблениями патенты. Однако взамен на протяжении четырех лет, которые прошли с момента закрытия парламента, королева не только не отозвала ни один патент, но и, как уже было сказано, выдала новые [1: 275]. Впрочем, причуды королевы уступили место трезвому расчету, поскольку в ходе уже упомянутой парламентской сессии 1601 года стало понятно, что своими действиями палата общин может вызвать раскол в обществе [16: 363, 370, 386, 387–388]. Возможно, принятие парламентом антимонопольного билля привело бы к противостоянию непосредственно сторонников и противников монополий по всей стране, что в значительной степени подорвало бы основы королевской власти [16: 380, 392]. В подобных условиях Елизавета решила опередить возможную инициативу палаты общин. В начале ноября 1601 года она сообщила парламенту о своем намерении расследовать связанные с монополиями злоупотребления и с этой целью вызвала к себе спикера. 28 ноября 1601 года она подписала прокламацию, ликвидировавшую монополии, и отказалась от их предоставления в будущем²⁴. Вечером 30 ноября 1601 года во дворце Уайтхолл королева устроила для депутатов прием, на котором присутствовали 140 членов парламента и спикер. Они заполнили приемную и встречали королеву, стоя на коленях. Именно здесь Елизавета произнесла публичную речь, широко известную в исторической традиции как «Золотая речь». На наш взгляд, более уместным является иное понятие, которое широко используется в отношении этого выступления в английской историографии, – «Прощальная речь» (Farewell speech), поскольку

фактически речь шла о сдаче королевской властью существенных позиций. Превращение же этой речи в «золотую» является полной заслугой самой королевы, которая сумела превратить капитуляцию в «золотые слова», суть которых можно свести к следующему:

«...я больше не приложу своей руки ни к одному патенту, но я это делала ради процветания моих подданных, а также ради выгоды некоторых из моих старых слуг, которые это заслужили, но мои пожалования не могут приносить вред моему народу. Наше королевское величество не выдержит того, чтобы наши пожалования оказались тяжкими для народа, а притеснение превратилось бы в привилегированное занятие вследствие наших патентов. Когда я услышала об этом, то не находила себе места, пока не исправила положение вещей... Господин Спикер, я заверяю Вас в своем желании того, чтобы все ошибки и неприятности, доставленные этими мошенниками и негодьями, которые недостойны называться моими подданными, не остались без заслуженного наказания... Господин Спикер, передайте Палате от меня, что я буду искренне благодарной, когда настоящие знания об этом деле дойдут от меня к ним» [16: 180, 203–204, 242].

После парламент получил соответствующую прокламацию королевы, на законодательном уровне закрепившую данные Елизаветой обещания и лишившую ее пожалования законной силы [12: 406].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в целом патентная политика королевы Елизаветы I Тюдор носила системный государственный характер. Она была призвана стимулировать темпы роста экономики королевства, капиталовложения и предпринимательство, занятость бедноты. При этом, однако, выдача монопольных патентов стала источником доходов короны, поскольку за приобретение патента необходимо было платить. Рост количества моно-

полий наблюдался в 1580-х годах, а уже к 1590-м дали о себе знать отрицательные последствия подобной политики. Патенты в одностороннем порядке одобрялись короной с опорой на прерогативы последней, что не могло не спровоцировать конфликт между Елизаветой I и парламентом, считавшим монополии вредоносными для королевства. В итоге парламент сумел добиться от короны должных результатов, даже не прибегая к небезопасному посягательству на права последней, что вполне могло произойти вследствие принятия палатой общин антимонопольного билля. Разумеется, прокламация Елизаветы практически ничего не изменила в положении уже существующих монополий – многие из них, как, например, Левантийская или Ост-Индская компании, продолжали свою деятельность еще на протяжении многих десятилетий.

При жизни Елизаветы проблема монополий не была разрешена, и участники конфликта остались при своем во многом благодаря незаурядным способностям королевы и ее качествам как правителя. Однако с повестки дня вопрос не был снят. Конфликт между королевой и парламентом перетек из экономической плоскости в политическую, предполагавшую закрепление полномочий каждого участника процесса. Поэтому при преемнике Елизаветы Якове I в 1624 году был принят Статут о монополиях. Но и это не сняло вопрос с повестки дня.

Важно отметить и то, что связанное с патентной политикой Елизаветы I противостояние можно считать одним из предвестников тех социальных потрясений, которые Англия пережила в середине XVII века, к числу причин которых относились и злоупотребления королевской властью, вызванные своеобразным пониманием монархами их прерогатив.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Lane Pool R., Hunt W. *The Political history of England*. L.: Longmans, Green & Co, 1905. 298 p.; Lolme J. L. de, Stephens A. J. *The rise and progress of the English Constitution*. Vol. I. L.: J. W. Parker, 1838. 1140 p.
- ² Green J. R. *A short history of the English people*. L.: Harper and brothers, 1903. Vol. II. 931 p.; Henry Brougham Brougham and Vaux. *The British Constitution: Its history, structure and working*. L.: Griffin, Bohn and Company, 1861. 459 p.; Hughes P. L., Fries R. F. *Crown and parliament in Tudor-Stuart England: A documentary constitutional history*. L.: Putnam, 1959. 359 p.; Lane Pool R., Hunt W. *The Political history of England*. L.: Longmans, Green & Co, 1905. 298 p.; Tanner J. R. *Tudor Constitutional Documents: A. D. 1485–1603*. Cambridge: University Press, 1951. 636 p.; Фримен Э. *Развитие английской конституции с древнейших времен*. М.: Тип.-лит. Кушнерева, 1905. 160 с.
- ³ Барчугова А. В. *Политическая борьба в Англии в конце XVI века: Дис... канд. ист. наук. Горький, 1951. 275 с.*
- ⁴ d'Ewes S. *The Journals of all the Parliaments during the reign of Queen Elizabeth*. L.: Printed for John Starkey at the Mitre in Fleetstreet near Temple-Bar, 1682. 719 p.; Townshend H. *Historical collections: or An exact Account of the Proceedings of the four last parliaments of Q. Elizabeth*. L.: Printed for T. Basset, W. Crooke, and W. Cademan, 1680. 366 p.; *Journal of the House of Commons*. Vol. I: 1547–1629. L., 1802.; *Journal of the House of Lords*. Vol. II: 1578–1614. L., 1802.
- ⁵ Cobbett W. *The Parliamentary history of England*. Vol. I: From Norman Conquest in year 1066 to the year 1803. L.: R. Bagsaw, 1806. 1518 cls.

- ⁶ Мор Т. Утопия (<http://lib.ru/INOOLD/MOR/utopia.txt>).
- ⁷ d'Ewes S. The Journals of all the Parliaments during the reign of Queen Elizabeth. L.: printed for John Starkey at the Mitre in Fleetstreet near Temple-Bar, 1682. P. 547, 554, 646.
- ⁸ Hulme W. The history of the patent system under the prerogative and at common law // The law quarterly review. 1896. Vol. 12. Iss. 45. P. 142.
- ⁹ Journal of the House of Commons. Vol. I: 1547–1629. L., 1802. P. 87.
- ¹⁰ Blackstone W. Commentaries on the laws of England. Oxford: Printed at the Clarendon Press, 1768. Vol. I. P. 265, 271, 272.
- ¹¹ Coke E. The third part of the institutes of the laws of England: concerning high reason, and other pleas of the Crown, and criminal causes. L.: Printed by W. Rawlings for Thomas Basset, 1680. Vol. III. P. 182.
- ¹² d'Ewes S. The Journals of all the Parliaments during the reign of Queen Elizabeth. L.: Printed for John Starkey at the Mitre in Fleetstreet near Temple-Bar, 1682. P. 554.
- ¹³ Townshend H. Historical collections: or An exact Account of the Proceedings of the four last parliaments of Q. Elizabeth. L.: Printed for T. Basset, W. Crooke, and W. Cademan, 1680. P. 107–127.
- ¹⁴ Cobbett W. The Parliamentary history of England. Vol. I: From Norman Conquest in year 1066 to the year 1803. L.: R. Bagnall, 1806. Col. 930.
- ¹⁵ Townshend H. Historical collections: or An exact Account of the Proceedings of the four last parliaments of Q. Elizabeth. L.: Printed for T. Basset, W. Crooke, and W. Cademan, 1680. P. 172.
- ¹⁶ Там же. С. 173.
- ¹⁷ Там же. С. 174.
- ¹⁸ d'Ewes S. The Journals of all the Parliaments during the reign of Queen Elizabeth. L.: printed for John Starkey at the Mitre in Fleetstreet near Temple-Bar, 1682. P. 28, 37–42, 66, 107.
- ¹⁹ Townshend H. Historical collections: or An exact Account of the Proceedings of the four last parliaments of Q. Elizabeth. L.: Printed for T. Basset, W. Crooke, and W. Cademan, 1680. P. 176; Journal of the House of Lords. Vol. II: 1578–1614. L., 1802. P. 52.
- ²⁰ Cobbett W. The Parliamentary history of England. Vol. I: From Norman Conquest in year 1066 to the year 1803. L.: R. Bagnall, 1806. Col. 930.
- ²¹ Townshend H. Historical collections: or An exact Account of the Proceedings of the four last parliaments of Q. Elizabeth. L.: Printed for T. Basset, W. Crooke, and W. Cademan, 1680. P. 176; Journal of the House of Commons. Vol. I: 1547–1629. L., 1802. P. 177.
- ²² Townshend H. Historical collections: or An exact Account of the Proceedings of the four last parliaments of Q. Elizabeth. L.: Printed for T. Basset, W. Crooke, and W. Cademan, 1680, P. 176; Journal of the House of Lords. Vol. II: 1578–1614. L., 1802. P. 184.
- ²³ Памятники истории Англии XI–XIII вв. // Средние века. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. С. 108.
- ²⁴ Cobbett W. The Parliamentary history of England. Vol. I: From Norman Conquest in year 1066 to the year 1803. L.: R. Bagnall, 1806. Col. 934.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дмитриева О. В. Елизавета Тюдор. М.: Молодая гвардия, 2004. 275 с.
2. Каменецкий А. Б. Идеино-политическая борьба в Англии в 30-х – 50-х годах XVI в. (К вопросу об идеологической стороне генезиса капитализма) // Средние века. 1976. Вып. 40. С. 135–153.
3. Ключков В. В. Королевская прерогатива в Англии от ее зарождения до начала XVII в. // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2013. № 6 (143). С. 201–207.
4. Ключков В. В. Прерогативные полномочия английской монархии в раннее Новое время // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2012. № 1 (126). С. 224–228.
5. Мосолкина Т. В. Пропаганда колониальной экспансии в Англии начала XVII века (памфлет Дж. Смита «Описание новой Англии») // Средневековый город. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1983. Вып. 7. С. 140–148.
6. Черчилль У. Британия в новое время (XVI–XVII вв.). Смоленск: Русич, 2006. 416 с.
7. Штокмар В. В. История Англии в средние века. Л.: Изд-во ЛГУ имени А. А. Жданова, 1973. 184 с.
8. Cross G., Geoffrey R. E., Loades D. M., Scarisbrick J. J. Law and government under the Tudors. Cambridge: University press, 1988. 296 p.
9. Dean D. M., Jones N. The parliaments of Elizabethan England. Oxford: Basil Blackwell, 1990. 226 p.
10. Dent Ch. Patent policy in early modern England // Intellectual Property Research Institute of Australia, University of Melbourne. Working paper № 06.07. July, 2007. 33 p.
11. Dent Ch. “Generally inconvenient”: the 1624 Statute of Monopolies as political compromise // Melbourne University Law Review. 2009. Vol. 415–453.
12. Elton G. R. Studies in Tudor and Stuart politics and government. Vol. 1–2. Cambridge University press, 2003.
13. Graves M. A. R. The Tudor parliaments: Crown, lords and commons, 1485–1603. L.: Longman, 1985. 173 p.
14. Graves M. A. R. Elizabethan parliaments, 1559–1601. Oxford: Taylor & Francis, 2014. 152 p.
15. Hartley T. E. Proceedings in the Parliament of Elizabeth I. Vol. I 1558–1581. L.; N.-Y.: Leicester University Press, 1981. 564 p.
16. Hartley T. E. Proceedings in the Parliament of Elizabeth I. Vol. III 1593–1601. L.; N.-Y.: Leicester University Press, 1995. 552 p.

17. Levy H. Monopoly and competition. A study in English industrial organization. Kitchener: Batoche Books, 2001. 271 p.
18. Morris T. A. Tudor government. L.: Routledge, 1999. 160 p.
19. Peck L. L. Court patronage and corruption in early Stuart England. Boston: London: Unwin Hyman, 1990. 319 p.
20. Williams H. The later Tudors: England, 1547–1643. Oxford: University Press, 1995. 666 p.

Поступила в редакцию 29.08.2022; принята к публикации 26.12.2022

Original article

Inna Yu. Savenkova, Cand. Sc. (History), Associate Professor,
Luhansk State Pedagogical University (Luhansk, Luhansk
People's Republic)
ORCID 0000-0001-5481-5254; inna-savenkova@mail.ru

THE ROLE OF TRADE MONOPOLIES IN THE OPPOSITION BETWEEN THE CROWN AND THE PARLIAMENT UNDER QUEEN ELIZABETH I TUDOR

Abstract. The relevance of the research is determined by the problem of monopolism in modern economy. It has great theoretical and practical significance because in the realization of their economic interests monopolistic associations usually hinder the development of market relations as such and produce crisis. In this respect it is expedient to turn to the historical past and parse an example of how this problem was solved then. The aim of this article is to investigate the principal problem of England's social and economic development in the second part of the XVI century, which was a struggle in the Parliament around trade monopolies and patent policy of the Crown. It was established that *causa proxima* that forced the Parliament's decision to introduce a monopoly question for debate was numerous abuses of patents' owners. It caused numerous complaints of those merchants who could not obtain a certain patent for some reasons. The debates about the harm of monopolies lasted from 1597 up to 1601, when the House of Commons considered the antimonopoly bill, and Queen Elizabeth I ordained the proclamation in which she renounced her right to give new monopolies in a future. It is demonstrated that as a result the parliament did not go as far as to infringe the Crown's prerogative to give merchants patents and did not pass the relevant bill. The status of the existing monopolies remained unchanged.

Keywords: England, Tudors, monopoly, parliament, patent, British Crown

For citation: Savenkova, I. Yu. The role of trade monopolies in the opposition between the Crown and the Parliament under Queen Elizabeth I Tudor. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(1):20–28. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.848

REFERENCES

1. Dmitrieva, O. V. Elizabeth Tudor. Moscow, 2004. 275 p. (In Russ.)
2. Kamenetsky, A. B. Ideological and political struggle in England in the 1530s and 1550s (The ideological aspect of the genesis of capitalism). *Middle Ages*. 1976;40:135–153. (In Russ.)
3. Klochkov, V. V. Royal prerogative in England from its origin to the early seventeenth century. *Izvestiya of SFedU. Engineering Sciences*. 2013;6(143):201–207. (In Russ.)
4. Klochkov, V. V. Prerogative powers of the English monarchy in early modern times. *Izvestiya of SFedU. Engineering Sciences*. 2012;1(126):224–228. (In Russ.)
5. Mosolkina, T. V. Colonial expansion propaganda in the early XVII century (John Smith's pamphlet "A Description of New England"). *Medieval city*. Saratov, 1983. Issue 7. P. 140–148. (In Russ.)
6. Churchill, W. Britain in the early modern period (XVI–XVII centuries). Smolensk, 2006. 416 p. (In Russ.)
7. Shtokmar, V. V. History of England in the Middle Ages. Leningrad, 1973. 184 p. (In Russ.)
8. Cross, G., Geoffrey, R. E., Loades, D. M., Scarisbrick, J. J. Law and government under the Tudors. Cambridge, 1988. 296 p.
9. Dean, D. M., Jones, N. The parliaments of Elizabethan England. Oxford, 1990. 226 p.
10. Dent, Ch. Patent policy in early modern England. *Intellectual Property Research Institute of Australia, University of Melbourne. Working paper No 06.07*. July, 2007. 33 p.
11. Dent, Ch. "Generally inconvenient": the 1624 Statute of Monopolies as political compromise. *Melbourne University Law Review*. 2009. Vol. 415–453.
12. Elton, G. R. Studies in Tudor and Stuart politics and government. Vol. 1–2. Cambridge University press, 2003.
13. Graves, M. A. R. The Tudor parliaments: Crown, lords and commons, 1485–1603. L., 1985. 173 p.
14. Graves, M. A. R. Elizabethan parliaments, 1559–1601. Oxford, 2014. 152 p.
15. Hartley, T. E. Proceedings in the Parliament of Elizabeth I. Vol. I 1558–1581. L., N.-Y., 1981. 564 p.
16. Hartley, T. E. Proceedings in the Parliament of Elizabeth I. Vol. III 1593–1601. L., N.-Y., 1995. 552 p.
17. Levy, H. Monopoly and competition. A study in English industrial organization. Kitchener, 2001. 271 p.
18. Morris, T. A. Tudor government. L., 1999. 160 p.
19. Peck, L. L. Court patronage and corruption in early Stuart England. Boston; London, 1990. 319 p.
20. Williams, H. The later Tudors: England, 1547–1643. Oxford, 1995. 666 p.

Received: 29 August, 2022; accepted: 26 December, 2022